

П.В. Панов, К.А. Сулимов

«ПРЕЕМНИК» VERSUS «ПРЕЕМНИЧЕСТВО»: В КОНТЕКСТЕ РАЗНООБРАЗИЯ ВАРИАНТОВ СМЕНЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ¹

В статье анализируется соотношение и концептуальное наполнение понятий «преемник», «преемничество» и «преемственность», которые получили широкое распространение в современном российском политическом дискурсе. Все они связаны с феноменом воспроизводства политического лидерства, когда «следующий» лидер приходит на смену «предыдущему», но рассматривают его с разных сторон. Преемственность наиболее уместно использовать по отношению к политическому курсу, который проводит следующий лидер. Преемничество характеризует более или менее институционализированную модель воспроизводства власти, то есть сложившийся в данной политике относительно устойчивый способ смены/передачи публичной власти. Третий термин — «преемник» указывает на особенности самого процесса смены лидера. По сравнению с концептуальной парой «предыдущий — следующий» здесь речь идет о значительно более узкой коннотации, когда «преемник» — лишь один из вариантов смены лидера, для которого характерна вполне определенная качественная персональная связь между прежним лидером и новым. Адекватная концептуализация понятия «преемник» может быть получена, если рассматривать феномен смены лидера как принципиальное политическое решение. Под таким углом зрения ключевым критерием для классификации смены лидера будет ответ на вопрос, кто является субъектом данного решения. На основе этого разворачивается таксономия вариантов смен лидерства.

Ключевые слова: *воспроизводство власти, смена лидера, преемничество, преемник*

Применение понятий «преемник» и «преемничество» в изучении процессов воспроизводства (смены) власти² в современных обществах с недавнего времени стало серьезной исследовательской задачей. Оба слова

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Институт преемника: модель воспроизводства власти и перспективы модернизации в современном мире», проект № 11-03-00198а.

² Воспроизводство власти здесь и далее рассматривается в терминах устойчивого способа смены/передачи публичной власти в определенных обществах.

появились из политической практики и ее широкого (т.е. не узкопрофессионального) восприятия. Видимо, это связано с тем, что общественное внимание привлек некий особый феномен в процессах воспроизводства власти, строго говоря, отнюдь не новый, но прежде, видимо, не особо значимый и потому концептуально не оформленный. Теперь он стал важен, и хотя для его обозначения использовали «старые» слова (ранее «преемник» означал буквально «следующего лидера»), в новом контексте они приобрели иной смысл. При этом очевидно, что речь идет не только о российских случаях, но о целом классе явлений того же рода, относительно широко распространенных в мире. Именно такая концептуализация (может быть, не вполне осознанно) уже утверждается и в академическом, и в общественно-политическом российском дискурсе¹.

На первом этапе исследовательской работы с данными терминами² было концептуализировано понятие «преемничество»³. Суть подхода

¹ См., например: *Макаркин А.* Постсоветское пространство: авторитаризм и компромиссы // *Неприкосновенный запас*. 2011. № 6; *Фурман Д.* Общее и особенное в политическом развитии постсоветской России и других стран СНГ // *Прогнозис*. 2006. № 3; *Борисов Н.А.* Институционализация института президентства и перспективы консолидации политических режимов на постсоветском пространстве // *Полития*. 2011. № 4; *Дахин А.В.* Смена высших политических команд в России: анализ одной политологической гипотезы // *Политическая наука*. 2012. № 1. *Рогов К.* Неприемлемый преемник // *Pro et Contra*. 2007. № 4–5. См. также подборку статей «Политические системы постсоветских стран» в тематическом номере журнала «Pro et Contra» (2011. № 3–4). Вполне уверенно в качестве варианта «преемничества» трактуется мексиканская практика *dedaco* — «указующий перст» (исп.) (*Дабагян Э.* Указующий перст. <<http://www.og.ru/articles/2006/11/24/18835.shtml>> (дата обращения: 10.06.2011). Примечательно, что преемники и преемничество обсуждаются не только в российском дискурсе. Совсем недавно группа казахстанских ученых и экспертов опубликовали книгу «Сумеречная зона, или “Ловушки” переходного периода», в которой рассматриваются возможные варианты развития событий в Казахстане в ситуации (неизбежной ситуации!) ухода Нурсултана Назарбаева с поста президента, в том числе с использованием терминов «преемник» и «преемничество».

² Речь идет о реализации группой исследователей кафедры политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета проекта, в рамках которого подготовлена статья.

³ См.: *Панов П.В., Сулимов К.А.* Преемничество как способ воспроизводства власти: проблемы концептуализации // *Вестник Пермского университета. Серия «Политология»*. 2011. № 4. С. 31–42.

состоит в выделении наряду с прочими «элитистского» типа воспроизводства власти, которая характеризуется тем, что в руках правящей группы оказывается «исключительный мандат» на определение персонального состава новой власти. Этот мандат *как бы* включает в себя право на принятие двух разных (и в логическом, и в субъектном, и в процедурном плане) решений. В неэлитистском («демократическом») типе воспроизводства власти решения принимаются разными субъектами: а) принятие персональных решений политическими элитами (наиболее типичный случай в современных обществах — выдвижение кандидатов на выборы), б) легитимация «выдвиженческих» решений элит народом (чаще в современных обществах — как электоратом). В элитистском типе правящая группа обладает исключительной субъектностью в отношении обоих решений сразу, а народ выполняет лишь процедурную функцию, реализуемую в виде участия в выборах, на которых *как бы* «все решено заранее».

Внутри элитистского типа воспроизводства власти было проведено различие между разными моделями его реализации, а именно — между «преемничеством» и «захватом власти». Разница между ними определяется характером отношений внутри правящей элиты, прежде всего, имеют значение отношения между «действующим лидером» и правящей группой, а также отношения с возможной контрэлитой. То есть второй сущностной характеристикой модели «преемничество» является относительное согласие большинства внутри правящей группы относительно кандидатуры «следующего» лидера, что позволяет провести передачу власти, по крайней мере, без противодействия «изнутри». И наоборот, модель захвата власти предполагает внутренний или внешний элитный конфликт, за победителем в котором все равно остается исключительный мандат на решение вопроса о наделении властью.

В процессе концептуализации понятия «преемничество» вопрос о концептуальном наполнении понятия «преемник» не ставился, хотя было понятно, что необходимо проводить различие между отдельными случаями «передачи власти» по образцу преемничества и институционализацией этой модели воспроизводства власти. Иначе говоря, отдельные казусы преемничества, т.е. наличие «преемника», могут быть следствием особых обстоятельств и не приводить к формированию преемничества как устойчивой практики воспроизводства власти.

Серия эмпирических исследований конкретных случаев «преемничества» привела к пониманию того, что необходимо найти для «преем-

ника» собственное концептуальное место в силу возникших сложностей с описанием и истолкованием отдельных, но при этом довольно многочисленных случаев. Общая проблема состояла в том, что последовательное применение концепта «преемничество» в описанном виде угрожало утратой того интуитивно очевидного смысла слова «преемник», который оно имеет в общественно-политическом дискурсе — указание на некую, пока не конкретизируемую качественную связь между прежним и новым лидером¹.

Во-первых, идентификация этой качественной связи между новым и прежним лидером, которую можно обозначить термином «преемник», возможна не только в условиях элитистского способа воспроизводства власти. Пожалуй, самый яркий недавний, но явно не единственный пример — это Николас Мадуро, новый президент Венесуэлы. Не вызывает сомнений, что к нему применимо слово «преемник». Уго Чавес, прежний президент, публично объявил Мадуро своим преемником, призвал избирателей голосовать за него, если потребуется, обеспечил ему благоприятную позицию перед выборами: Мадуро исполнял обязанности президента во время болезни и смерти Чавеса и далее до момента голосования. Но при всем этом невозможно утверждать, что решение о новом президенте было предрешено, что Чавес обладал «исключительным мандатом» на определение его персоны в вышеуказанном смысле. Напротив, имела место ожесточенная борьба, в которой народ был субъектом «окончательного» решения². Следовательно, «преемник» оказывается возможен и при реализации неэлитистского («демократического») способа передачи власти.

Во-вторых, в рамках элитистского способа передачи власти довольно заметное место занимают случаи деперсонифицированной передачи власти. Для некоторых из них характерно отсутствие значимой качественной связи между новым и прежним лидером. Примеры тому —

¹ Мы исходим из того, что сохранение содержательной, «понимающей» связи между научными понятиями и этими же понятиями, используемыми в общественно-политическом дискурсе, является неперенным условием построения научных концептов.

² И здесь, в интересующем нас отношении субъектности народа, не имеют значения обвинения со стороны проигравших в неверном подсчете голосов, потому что мы исходим из необходимости разведения процедурной и сущностной, субъектной сторон рассматриваемого процесса.

устойчивая практика передачи власти в Китае в последние примерно два десятка лет и институт *dedaco* в Мексике примерно с 1940-х до 1990-х годов¹. Связь между прежним и новым лидером здесь состоит только в том, что оба они входят в правящую группу, которая по своим особым внутренним правилам и принимает решение о персоне нового лидера. Значимого, т.е. имеющего особый статус, персонального решения прежнего лидера или вовсе нет (как, видимо, в Китае), или оно имеет статус предложения «первого среди равных» (так, вероятно, в некоторых случаях было в Мексике). Мы имеем единое решение коллективного субъекта, в котором не остается места «преемнику» в духе, например, отношений между Чавесом и Мадуро. Действующего председателя КНР Си Цзиньпина называют преемником предыдущего, но только в той логике, что он буквально следует за предыдущим, занимает его место, а не в смысле, что он является персональным выбором Ху Цзиньтао. Напротив, утверждается, что они принадлежат к разным группировкам внутри единой правящей группы.

Таким образом, неконцептуализированная привязка «преемника» к «преемничеству» приводит к необходимости или исключить из рассмотрения случаи (Венесуэла), в которых, по мнению реальных общественно-политических субъектов, есть преемники, т.е. неоправданно сужать объем понятия «преемник». Или, наоборот, неоправданно его расширять на случаи (Китай), где никто в рамках сложившегося словоупотребления преемников не видит.

Каким образом можно решить эту проблему? С концептуально-логической точки зрения, если оставаться в предметном поле воспроизводства власти, возможны два варианта. Первый будет состоять в том, чтобы рассматривать «преемника» и «преемничество» как связанные разноуровневые понятия. То есть «преемник» — это конкретная реализация здесь и сейчас «преемничества» как устойчивой практики смены власти в этой стране, или за конкретным случаем «преемника» может последовать формирование такой устойчивой практики. Второй вариант состоит в том, чтобы рассматривать «преемника» и «преемничество» как самостоятельные подтипы внутри элитистского способа смены власти. Каждый из них имеет свои преимущества и недостатки

¹ См. подробнее: Борисова Н.В., Сулимов К.А. Воспроизводство власти в современной России: преемничество как инвариант? // Политическая наука. 2012. № 3. С. 105–124.

концептуально-логического свойства, но разбирать их нет необходимости, потому что ни один из этих способов не решает той принципиальной проблемы, которая была поставлена выше — неоправданного сужения или расширения объема понятия «преемник».

Следовательно, нужен другой путь. Он возможен в том случае, если дифференцировать исследовательское поле, различив в нем а) воспроизводство власти (смена власти) и б) смену лидера как разные предметы исследования. Разумеется, эти предметы связаны между собой и логически, и эмпирически. Смена лидера воспринимается как квинтэссенция процесса смены власти, особенно в собственно политическом измерении, т.е. в восприятии реальных действующих субъектов. Здесь сходятся ожидания, перспективы и усилия всех заинтересованных субъектов. Тем не менее очевидно, что смену лидера нельзя рассматривать как процесс, тождественный смене власти хотя бы потому, что это «более локализованный» процесс. Она не всегда означает смену власти, в том числе и в восприятии действующих субъектов. Как представляется, смена власти и смена лидера не рядоположенные и даже не равноуровневые явления, а различные ракурсы, перспективы восприятия политической реальности. Более того, воспроизводство власти — тема скорее для специализированных академических штудий, в которых предполагается выход за рамки очевидного, поиск неких глубинных объяснений политических процессов. Смена лидера, напротив, относительно легко идентифицируемый процесс в силу его физической очевидности, и он вполне может быть и является обычным предметом для обыденного дискурса.

Если так, то и концептуализация этих феноменов должна иметь разные логики. Описанная выше логика концептуализации преемничества оправдана в рамках предметного поля «воспроизводство власти», но понятию «преемник» в этом поле не находится места, оно оказывается излишним, не вписывается в концептуальную логику данного поля, а попытки «внедрить» его в это поле приводят к описанным выше концептуальным проблемам. В то же время стоит нам переместиться в другое предметное поле — смена лидера — понятие «преемник» оказывается вполне понятным и уместным. И это неудивительно: смена лидера — «родное» для термина «преемник» поле, ведь его «изначальный» смысл и есть «смена лидера»: преемник как следующий, приходящий на смену. Аналогичная ситуация и в английском языке, когда смена лидера обозначается парой понятий «predecessor — successor», т.е. «предшественник — преемник». Смена лидера в своей основе является естественным про-

цессом, это замена одного физического лица другим на той или иной лидерской (руководящей) позиции (должности) в социальном пространстве. Этот процесс происходит во всех организованных группах: сменяются президенты, губернаторы и министры, ректоры и деканы, лидеры политических партий и общественных организаций и т.п.

Разумеется, как уже отмечалось, в последние годы утвердилась и иная, более узкая коннотация термина «преемник», но и в этой коннотации преемник — один из вариантов смены лидера (правда, уже не всякой, а специфической), а отнюдь не смены власти. В чем особенность этого более узкого понимания, интуитивно понятно, речь идет о некоей качественной персональной связи прежнего лидера и нового. Об интуитивной понятности свидетельствует конвенциональность использования данного понятия в общественно-политическом дискурсе последних лет. Самые разные авторы именуют «преемниками» одних политических лидеров, которые пришли на смену предшественникам (Ильхам Алиев, Николас Мадуро, Рауль Кастро и т.д.), тогда как в отношении других (Обама, Камерон, Иванишвили, Янукович и т.д.) этот термин не применяется.

Нетрудно заметить, что и в этом, более узком значении понятие «преемник» используется отнюдь не только для описания российского случая, оно применяется к значительно более широкому кругу явлений. В английском языке есть аналог этого узкого смысла — *handpicked successor*. Следовательно, есть все основания говорить о «преемнике» (в узком смысле) как особом классе явлений, а не о единичном случае. Таким образом, в этом узком смысле «преемник» — особая разновидность смены лидера, т.е. преемник в широком смысле. Тем не менее, если для общественно-политического дискурса интуитивной конвенциональности достаточно, академический дискурс предполагает более строгую концептуализацию понятий. В этой логике, определяя понятие «преемник», необходимо четко зафиксировать основания для спецификации данной разновидности (класса) феномена смены лидера и «расположить» его в ряду других классов («таксономическое развертывание»), а также, «спускаясь на ступеньку ниже в лестнице абстракции», выделить разновидности «преемников»¹.

¹ Таксономическое развертывание “распаковывает” концепты и играет незаменимую роль в процессе мышления, разлагая ментальные соединения на упорядоченные и удобные в обращении наборы составных единиц <...> Согласно самой логике классификации классы должны быть взаимоисключаю-

«ПРЕЕМНИК» КАК РАЗНОВИДНОСТЬ СМЕНЫ ЛИДЕРА

Мы полагаем, что адекватная концептуализация понятия «преемник» может быть получена, если рассматривать феномен смены лидера как решение, т.е. как принципиальное политическое решение. Под таким углом зрения ключевым критерием для классификации смены лидера будет ответ на вопрос, **кто является субъектом данного решения**. Соответственно, нам необходимо идентифицировать а) тип необходимого нам решения в ряду других возможных решений по поводу смены лидера — «диспозиция решений», б) тип субъекта в ряду других актуальных или потенциальных субъектов рассматриваемого процесса — «диспозиция субъектов».

Диспозиция решений в процессе смены лидера. «Смена лидера», хотя и предстает более «локализованным» явлением, нежели «смена власти», все равно является достаточно сложным, можно сказать, комплексным решением. Во-первых, по крайней мере, потенциально оно является «многоступенчатым». Логически «смена» состоит из двух «актов»: первый акт — решение по поводу «ухода прежнего лидера» (освобождение лидерской позиции), второй — решение о «приходе нового лидера» (замещение лидерской позиции). Разумеется, нередко эти два «акта» накладываются друг на друга и даже сливаются. Например, если лидер терпит поражение на выборах («уход»), это сопровождается победой («приход») нового лидера.

Следует оговориться, что речь идет не о временном измерении. В этом плане «уход» и «приход» зачастую как раз разведены, так как выборы порой лишь дают старт процессу смены лидера, и проигравший инкубент продолжает исполнять обязанности до официального вступления в должность (инаугурации) победившего кандидата. Но в данном случае нас интересует не хронология процесса, а хронология решения о смене лидера, а в случае выборов решение об «уходе» и «приходе» принимается одновременно. Тем не менее есть и противоположные случаи, когда решения по поводу «ухода» и «прихода» принимаются раздельно. Вотум недоверия правительству в парламентских

щими и в совокупности исчерпывающими, таксономическое развертывание обеспечивает упорядоченные серии четко выделенных категорий и, тем самым, основу для сбора информации соответствующей точности....» (*Сартори Дж. Искажение концептов в сравнительной политологии* // Полис. 2003. № 3. С. 74–75).

системах означает решение об его отставке. Каким будет новое правительство — по этому поводу парламент примет другое решение¹. Другой вариант — лидер покидает свою должность («уход»), например, под давлением массового движения, и в течение какого-то времени может наблюдаться вакуум власти, борьба за власть и т.д. И в этом случае решение о том, кто будет новым лидером, — отдельное решение.

Мы полагаем, что в случае «двухактности» ключевое значение имеет второй «акт». Именно «приход» означает «смену лидера» как таковую, без него процесс *смены* будет не завершен. Соответственно, при классификации смен лидера ориентироваться нужно в первую очередь на решение по вопросу о новом лидере, а решение по поводу «ухода» имеет второстепенное значение, обозначим его как «нулевое решение».

Во-вторых, несколько составляющих («стадий») явно или неявно присутствуют и «внутри» отдельных актов. Если, к примеру, новый лидер избирается, формально решение принимается в момент выборов, и субъектом решения считаются избиратели. Очевидно, однако, что есть немало случаев, когда результаты выборов «*предрешены*», т.е. *фактическое* решение было принято раньше, а формальная процедура — это не более чем «*оформление*» уже принятого решения. Речь идет, конечно, не только о выборах, аналогичная ситуация возможна и тогда, когда лидерская позиция замещается через процедуру назначения: далеко не всегда тот, кто подписывает указ (приказ, распоряжение и т.п.) о назначении на должность, является субъектом решения.

Но даже если формальная сторона совпадает с фактической, это не снимает вопроса, так как до данного решения были другие и не менее важные: решение о выдвижении (или самовыдвижении, номинировании, представлении и т.п. — форматы различаются в разных процедурах) кандидатуры будущего лидера, решения о его поддержке и т.д. Очевидно, без выдвижения он точно никогда не будет лидером, и именно это — «*первичное решение*» — следует взять за основу при классификации смен лидеров. Тогда ключевое значение приобретает вопрос, кто принял решение о выдвижении кандидатуры будущего лидера. Следует опять-таки пояснить, что речь идет не о формальном выдвижении, а о фактическом решении, которое не всегда принимает тот, кто фор-

¹ Правда, как известно, в мировой практике используется и так называемый «конструктивный вотум недоверия», в соответствии с которым эти два решения сливаются в одно.

мально выдвигает кандидатуру — ситуация, аналогичная упомянутому predetermined голосованию. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что «первичное решение» — это решение по поводу того лидера, который пришел к власти. Поскольку, исследуя смену лидера, мы уже знаем, кто пришел на смену (иначе теряется предмет разговора), решения по поводу всех остальных (проигравших борьбу за власть) не имеют значения для изучения «первичного решения», даже если среди них — представители прежней власти.

В каких-то случаях «первичное решение» и будет единственным «решающим», а все остальные окажутся лишь его процедурным «оформлением». Тогда субъектом (или субъектами) решения по вопросу о новом лидере будет тот (те), кто принял «первое решение», а те, кто участвует в остальных стадиях (обсуждение, голосование, подписание акта и т.д.) теряют качество субъектов. Разумеется, так бывает далеко не всегда. Поскольку на лидерскую позицию реально рассматриваются и претендуют, ведут конкурентную борьбу разные кандидаты, следующие после «первичного» решения стадии также имеют характер решений, соответственно, увеличивается набор субъектов решения по вопросу о новом лидере. И это, несомненно, следует учитывать, разрабатывая классификацию смены лидера, но в качестве второстепенных признаков.

Таким образом, мы обозначаем «линейку» необходимых и потенциально необходимых или возможных решений в процессе смены лидера, структурировав их в две группы: решение об «уходе прежнего лидера» («нулевое решение») и решение о «приходе нового лидера». Но при этом мы должны удерживать в фокусе внимания то обстоятельство, что в современных условиях господства принципа демократической легитимности решение о «приходе нового лидера» почти всегда требует, по крайней мере, в процедурном плане, легитимации «выдвиженческих» решений элит народом. Соответственно, мы можем говорить о трех видах решений: «нулевое решение» об уходе прежнего лидера, «первичное решение» о выдвижении нового лидера и «окончательное решение» о его легитимации. Как уже было сказано, в субъектном отношении (т.е. с точки зрения принятия *фактических* решений) в процессе смены лидера безусловно необходимым из них является только «первичное решение». «Нулевого решения» как *решения* может просто не быть из-за, например, физической смерти прежнего лидера (если, конечно, например, он не был убит с целью освободить место). «Окончательное реше-

ние» может быть *предрешено*, т.е. иметь сугубо процедурное значение, или отложено, или реализовываться в разнообразных комплексных практиках легитимации «по факту» смены лидера¹.

Диспозиция субъектов решений в процессе смены лидера. Именно потому, что «нулевое» и «окончательное» решения имеют более условный характер, нежели «первичное», мы рассматриваем последнее как базовое для классификации смен лидера в интересующем нас ракурсе — концептуализации понятия «преемник». С обозначенной диспозицией решений в процессе смены лидера необходимым образом связана диспозиция возможных субъектов этих решений. В рамках концептуализации понятия «преемничество» мы исходили из наличия двух групп решающих субъектов: «элиты» и «народ». В рамках текущей задачи в «линейку» решающих субъектов мы добавляем «лидера», выделяя его из «элиты» и получая трехчастную формулу: «лидер — элита — народ». Вопрос стоит следующим образом: кто из них является (может являться) субъектом каких решений, и прежде всего, «первичного» решения?

Представляется, что «народ» необходимо рассматривать как возможного субъекта (реального или номинального) только «окончательного решения» или «нулевого», но не «первичного». «Первичное решение», если оно имеет субъектный характер, всегда остается в компетенции элит и лидеров. То есть даже если новый лидер вырос из массового движения, революционного движения, то в качестве субъекта его выдвижения («первичное решение») нужно принимать не «народ» (широкие массы), а контрэлиту как разновидность «элиты» в нашей диспозиции или его самого в логике самовыдвижения/самоназначе-

¹ Например, в парламентских системах смена фактического лидера страны — главы правительства — может происходить внутри правящей партии в период между выборами в национальный парламент. Случай Великобритании видится типичным в этом отношении (смена лидера Консервативной партии и «по совместительству» премьер-министра в 1990 г. Маргарет Тетчер на Джона Мейджора с последующей победой партии на выборах 1992 г.; смена лидера Лейбористской партии и «по совместительству» премьер-министра в 2007 г. Тони Блэра на Гордона Брауна с последующим проигрышем партии на выборах 2010 г.). Легитимация внутрипартийного выбора народом на национальных выборах была в обоих случаях *как бы* отложена и при этом очевидно работали и другие механизмы легитимации, в том числе потому, что британцы, несмотря на достаточно высокую степень персонализации британской политики, голосуют, ориентируясь не только на личность лидера той или иной партии.

ния — как разновидность «лидера». Тем не менее «народ» как политическая категория должен остаться в комплексе диспозиций «субъекты решения процесса смены лидера», потому что именно он в современных условиях (повторимся, господства демократической легитимности) является неперменным адресатом или объектом обращения о персоне нового лидера. Иными словами, любое «первичное решение» одновременно является своеобразной офертой всем остальным, включая «народ». На это предложение может быть получен или не получен субъектный ответ, причем в обоих случаях предложение может быть принято или не принято.

«Преемник» и «апреемник». Если ключевым критерием для классификации вариантов смены лидера является субъект «первичного решения», есть все основания выделить, во-первых, такой класс, где субъектом решения является прежний лидер. Достаточно очевидно, что именно этот (и только этот!) класс можно обозначить как «преемник». Иначе говоря, только такое «первичное решение» может быть истолковано как решение о «преемнике» (разумеется, при условии, что «первичное решение» устояло в акте «окончательного решения», т.е. операция «преемник» удалась). Соответственно, все случаи, которые остаются за рамками этого класса, где субъектом «первичного решения» был кто-либо, но не прежний лидер, не будут решениями о «преемнике».

Разумеется, в эмпирической плоскости данные типы субъектов могут быть весьма разнообразными и, соответственно, по-разному классифицироваться в зависимости от решаемой задачи и избранного подхода. Можно разбить их, к примеру, на такие группы, как правящая элитная группа, оппозиционная элитная группа и контрэлита. Другой вариант — провести различие между субъектностью группы и субъектностью лидера этой группы. Речь о том, что в одних случаях следующий лидер «делает себя сам». Он, несомненно, опирается при этом на поддержку группы, но именно его активность и оказывается решающей при формировании этой группы. Тогда субъект «первичного решения» — сам следующий лидер, он — «вождь», «предводитель», порой «самозванец», «узурпатор» и т.п. В других случаях «лидера делает группа», и тогда он — «выдвиженец», «ставленник», возможно, «марионетка». Наконец, нетрудно представить ситуацию «множественности субъектов», принимающих «первичное решение». Иначе говоря, здесь невозможно бесспорно выделить единственного решающего субъекта ни исследовательски, ни политически.

Вместе с тем в рамках диспозиции «лидер — элита — народ», которая была выше обоснована как базовая для классификации вариантов смены лидера, все эти различия несущественны, а учитывая, что народ не является субъектом «первичного решения», у нас остается всего два варианта — лидер и элита — и, соответственно, два класса. В первом — один субъект (прежний лидер), во втором — самые разнообразные «элитные» субъекты и/или их комбинации (лидеры или/и группы, правящие или оппозиционные). Несмотря на то что с точки зрения содержательного разнообразия два класса выглядят не равновесно, такое выделение обосновано логикой классификации. Дать обобщенное название второму классу в силу его разнородности представляется затруднительным, поэтому условно обозначим его «апреемник».

Эта же логика объясняет и еще один момент, который может показаться сомнительным. Во второй класс попадают варианты смены лидера, очень разные по траектории властных изменений. Сюда относятся, к примеру, революции, перевороты, которые кардинально меняют конфигурацию власти, сметают прежнюю элиту, и в то же время такие мягкие случаи, когда, например, после смерти прежнего лидера его место занимает его соратник или родственник, и существенных изменений не происходит. Однако, если прежний лидер «указал», кто будет следующим после него лидером, т.е. был субъектом «первичного решения», этот случай оказывается в первом классе «преемников». Иначе говоря, очень близкие по политическим последствиям случаи оказываются в разных классах, и наоборот, очень разные — в одном. Тем не менее для целей данной классификации не имеет значения политическая ориентация того, кто пришел на смену, важно другое: был ли субъектом первичного решения лидер или «элитные акторы». При этом, разумеется, лидер — часть правящей группы, но логика в данном случае такова, что диспозиционально он выделяется отдельно, а главная характеристика этих остальных субъектов в том, что диспозиционально они — «внешние» к персоне/личности правящего лидера, в том числе и сама правящая элита, и даже ближайшее окружение лидера¹.

¹ Внешний актор может быть ближайшим сотрудником прежнего лидера, как, например, Гордон Браун по отношению к Тони Блэру. Важно то, что он сам (и влиятельные круги в правящей партии), а не Блэр был субъектом решения о том, что Браун сменит Блэра на лидерской позиции, и по отношению к Блэру Браун — «внешний актор».

Преемничество как вариант смены лидера. Представляется, однако, что наряду с двумя указанными классами необходимо выделить третий, который мы уже ранее концептуализировали как «преемничество». В случаях, имеющих к нему отношение (в эмпирической плоскости речь идет о случаях, подобных уже упоминавшимся камарилье в Мексике и коллективному руководству в современном Китае), тоже происходит смена лидера, но отличает этот класс от двух других особое «качество» субъекта «первичного решения», т.е. того, кто принимает это решение.

Особое «качество» этого субъекта обнаруживается в, первую очередь, в отношении диспозиции субъектов решения о смене лидерства. Очевидно (это лежит на поверхности), что в отношении этих случаев необходимо вести речь о деперсонифицированных «первичных решениях». Они не имеют в качестве источника никакой конкретной личности, персоны. Как уже было сказано, в этих случаях нет никакой необходимой субъектной связи между прежним лидером и новым. Собственно субъектная связь выстраивается между некоей правящей группой и новым лидером, которого она порождает. На этом основании видно, что такие случаи не могут попасть в класс, обозначаемый как «преемник».

Но в диспозиционном отношении эти явления необходимо выделить из второго обозначенного нами класса смены лидера. Здесь диспозиционное противопоставление лидера и правящей группы теряет смысл, поскольку они вместе составляют единый субъект в публично-политическом смысле, внутри которого персональная политическая субъектность *как бы* снята. Внутри этой группы прежний лидер, по крайней мере, в вопросе определения нового лидера (возможно, самом принципиальном вопросе самого существования группы), вообще не обладает самостоятельной персональной субъектностью. В политическом смысле он существует только как часть этой группы. Соответственно, возникает напряжение с возможностью существования внутри второго класса уже потому, что отсутствуют «внешние» к прежнему лидеру субъекты решения. Правящая группа не является в совокупности внешним субъектом решения, потому что отсутствует «внутренний», т.е. прежний лидер как субъект решения. Он предстает просто неотъемлемой частью этой группы. Именно так она выглядит со стороны — как единый, но коллективный субъект, принимающий «первичное решение» и делающий тем самым оферту всем остальным. Более

того, этот субъект не только единый внутри себя, но и единственный на публично-политическом поле, кто может сделать «сильное предложение».

Тут можно видеть, что в важном диспозициональном отношении, а именно в единственности решающего о выдвижении нового лидера субъекта, случаи «преемничества» оказываются очень близки к случаям, классифицируемым нами как «преемник». Собственно, по отношению «единственности — множественности» субъектов, имеющих отношение к «первичному решению» все разнообразие случаев смены лидера можно разделить на две группы. Возможная схема представлена ниже в таблице.

Количество решающих субъектов о персоне нового лидера	<u>Один субъект</u>				<u>Множе- ственность субъектов</u>
Тип решения в контексте диспозиции субъектов	Персональное решение		Групповое решение		
Решающий субъект	Прежний лидер	Внешний лидер	Внешняя группа	Правящая группа и прежний лидер как целое	
Тип смены лидера	Преем- ник	Апреемник		Преемни- чество	Апреемник
		Само- назначенец	Став- ленник		

Таким образом, преемничество вписывается и в предметное поле «смена лидера», хотя оно, конечно, иначе преломляется в этом поле. Тем не менее это лишний раз доказывает, что эти поля сложным образом пересекаются, «взаимодействуют» друг с другом. И следует отметить, что в поле «смена лидера» между преемником и преемничеством мы видим не только отмеченное выше родство, но и значимое напряжение, даже «классовое различие», поскольку они относятся к различным классам. Преемники появляются как результат субъектного — по существу волюнтаристского — решения прежнего лидера. Корни преемни-

чества как варианта смены лидера — в преемничестве как модели воспроизводства власти, и это приводит к совершенно особому варианту смены лидера. Здесь взаимодействия между членами правящей группы, которая выступает как единый субъект, в достаточно высокой степени институционализированы и происходят в соответствии с институциональными установлениями предписывающего типа¹. Иначе говоря, институциональная среда такова, что пространство волюнтаристских решений для отдельных акторов фактически сводится к минимуму.

«Серая зона». Разумеется, в реальности всегда имеет место «серая зона» — случаи, которые находятся «между» («в промежутке») этими двумя классами. Здесь властная конфигурация такова, что и прежний лидер, и внешние акторы вносят значимый «вклад» в «первичное решение» вопроса о новом лидере. По крайней мере, такую возможность необходимо зарезервировать, имея в виду, что в некоторых случаях эмпирически не удастся определить соотношение значимости прежнего лидера и внешних акторов. Впрочем, это отнюдь не означает, что необходимо выделять еще один класс смены лидера по этому основанию. Эта зона выглядит неопределенной и «серой» скорее в исследовательском ракурсе, нежели в реально-политическом. Граница между двумя классами определяется логикой классификации, точнее, тем критерием, который положен в основу классификации. Отнесение же эмпирических случаев к тому или иному классу, в конечном счете, определяется ответом на вопрос о том, является ли достаточно очевидным в публично-политическом смысле, что ключевую роль в определении персоны нового лидера сыграл прежний лидер или нет². Иначе говоря, любое значимое сомнение в том, что ключевое решение принадлежало прежнему лидеру, имеет смысл трактовать таким образом, что новый лидер не является преемником.

¹ Здесь уместно сослаться на «Граматику институтов» Сидни Крауфорд и Элинора Остром, где проводится модальное различие между предписывающими, разрешающими и запрещающими институциональными установлениями (*Crawford S., Ostrom E. A Grammar of Institutions // American Political Science Review. 1995. Vol. 89. No. 3. P. 582–600*).

² В том же случае, если ответ на этот вопрос сам становится предметом политической борьбы, то он просто трансформируется в вопрос о том, кто обладает достаточной силой, чтобы навязать остальным собственное представление о реальности.

К этому необходимо добавить, что в рамках данной логики преемники могут обнаруживаться и в демократических системах, т.е. когда очевидным субъектом «первичного решения» становится прежний лидер. Правда, такое бывает, конечно, нечасто в силу множественности акторов, чья позиция в таких системах имеет значение. И даже если сложилась ситуация безусловного доминирования одного из акторов, что случается, хотя и нечасто, то он или может не иметь в этой системе стимулов к определению преемника или институциональные условия не благоприятствуют этому. В этом плане показателен сам термин *hand-picked* — «поставленный вручную». Вручную в демократических системах ставить кого-либо сложно, потому что это предполагало бы почти полную пассивность других представителей правящей группы и других элитных групп¹.

РАЗНОВИДНОСТИ ПРЕЕМНИКОВ

Таким образом, мы имеем три класса вариантов смены лидера. Соответствующая таксономия представлена на схеме. Базовый критерий для классификации — субъект «первичного решения». Характеристики субъектности «нулевого» и «окончательного решений» — второстепенные критерии, на основе которых можно спуститься на уровень ниже и выделить подклассы смены лидера. Поскольку в отношении этих решений приоритета какого-то одного из них не просматривается, на

¹ Возможно, хорошим примером здесь (а также в отношении возможной интерпретации «серой зоны») может быть случай смены премьер-министра Великобритании в 1990 г. — Маргарет Тетчер на Джона Мейджора. Он очевидно отличается от случая с парой Блэр — Браун уже тем, что Мейджор сделал головокружительную карьеру именно в эпоху лидерства Тетчер. И в каком-то смысле она, видимо, благоволила ему и даже прямо поддерживала. Более того, на выборах нового лидера партии она сделала недвусмысленную ставку именно на Мейджора и даже сама обзванивала часть парламентариев из числа ее собственных сторонников (см. подробнее: *Перегудов С.П.* Тэтчер и тэтчеризм. М: Наука, 1996. 301 с.). Но также не вызывает сомнений, что к решающему моменту Мейджор уже вырос в самостоятельную фигуру и — главное — рассматривался в качестве одного из фаворитов безотносительно к тому, поддержит его прежний лидер на выборах или нет. Тетчер же выступала в этой ситуации как очень сильный, но всего лишь один из акторов, заинтересованных в исходе дела. Единственная, но значимая, неопределенность задается в данном случае вопросом о том, мог ли Мейджор победить без поддержки Тетчер?

основе каждого из них могут быть выделены свои подклассы. В предлагаемой схеме подклассы развернуты неполностью. Мы сочли достаточным привести лишь несколько примеров, которые позволяют представить, в каком направлении возможно дальнейшее развертывание классификации.

Что касается преемников, рассмотрим их разновидности более подробно. Для этого необходимо, в первую очередь, наметить наборы возможных вариантов по каждому из двух второстепенных решений.

«Нулевое решение». Прежде всего, следует заметить, что смена лидера происходит в определенных обстоятельствах, которые также могут существенно влиять на решение вопроса о том, кто является субъектом решения. Если, например, лидер умирает естественной смертью или физически неспособен осуществлять свои полномочия, очевидно, никакого субъекта решения в части «акта ухода» здесь просто нет, но из этого, однако, совсем не следует, что прежний лидер не может быть субъектом «первичного решения». Он может оставить своего рода «политическое завещание», назвав кого-то своим преемником. Поэтому преемники могут иметь место и в тех случаях, когда нет субъекта «нулевого решения». Разумеется, при этом необходимо, чтобы «завещание» было исполнено, но это уже связано с «окончательным решением».

Следующий вариант «нулевого решения» — добровольная отставка — не требует специальных комментариев: здесь субъектом является сам прежний лидер.

Далее надо учесть и такую возможность, когда существуют какие-либо институциональные ограничения на занятие лидерской позиции, например типичное в современном мире ограничение на количество сроков полномочий для президентов или предельный возраст («пенсионный возраст»). Прежний лидер может покинуть должность, следуя этим правилам, что также ставит под вопрос наличие некоего субъекта «нулевого решения». Необходимо оговориться, что в данном случае возможны разные интерпретации. Там, где следование правилу происходит на уровне несомненности, безусловности, это означает *как бы* отказ от субъектности¹. В то же время хорошо известны случаи, когда ответ на вопрос, следовать институциональному ограничению или нет, был отнюдь не очевидным. Многие политические лидеры, сталкиваясь с подобными ограничениями, прилагали усилия (и зачастую успешные), чтобы отменить или как-то обойти их. Но даже если, в конце концов, они по тем или иным причинам принимали решение подчиниться правилам, это, безусловно, было субъектное решение.

¹ Если понимать субъектность как дискретную и всегда неполную, незавершенную сущность. Иначе говоря, бессубъектность в вопросе смены лидера не означает бессубъектность в других вопросах, моментах времени и т.д.

Наконец, «принудительная отставка», т.е. уход с должности под давлением правящей группы. Данный случай может сопровождаться некой договоренностью о том, что, уходя, прежний лидер «указывает» на преемника, и правящая группа принимает это решение. В этом случае субъект нулевого решения — правящая группа, а «первичного» — прежний лидер.

Все остальные варианты «нулевого решения», а их достаточно много — навязанная отставка без возможности «выбрать преемника», переворот, революция, поражение на выборах и т.д. — даже логически, а тем более эмпирически не допускают вероятности того, что прежний лидер может быть субъектом «первичного решения». Соответственно, они не ведут к появлению преемника.

В дополнении к сказанному следует обратить внимание на еще один нюанс, связанный с «нулевым решением». В некоторых случаях «нулевые решения» оказываются *не совсем* настоящими, поскольку прежний лидер *не совсем* «уходит». Во-первых, «уход» может быть временным, т.е. он на время оставляет должность «в руках» преемника, но затем возвращается обратно. Смена лидера, строго говоря, при этом имеет место, и каждый цикл этой смены по отдельности можно рассматривать в логике преемника. И для этого есть все основания, поскольку в рамках каждого цикла никогда нет гарантии, что прежний лидер вернется. Тем не менее, зная «результат» нескольких циклов, мы понимаем, что это весьма специфический вариант смены лидера. Как представляется, для него вполне уместным будет такое обозначение как *местоблюститель*.

Во-вторых, прежний лидер не совсем уходит в том смысле, что, оставляя преемника на своей позиции, он занимает другую позицию (должность). Как известно, значимость политической лидерской позиции в современном мире определяется как конституционными характеристиками организации публичной власти («конституционный дизайн»), так и реальным соотношением сил, ресурсов и т.д. Изменение одной из этих переменных кардинально меняет конфигурацию власти, и это может использоваться «прежними лидерами». В частности, можно передать позицию президента страны преемнику, но при этом изменить конституцию и вместо президентской модели ввести парламентскую, а затем занять позицию премьер-министра. Формально смена лидера при этом происходит (на президентскую позицию приходит преемник), но фактически власть сохраняется в руках прежнего лидера,

который «всего лишь» сменил позицию. Аналогичные метаморфозы возможны (хотя и более сложны в плане реализации) и без конституционных реформ. Например, в силу того, что прежний лидер, переместившись на другую позицию, сохраняет мощные персональные ресурсы, он продолжит играть ведущую роль, несмотря на то что его позицию занял преемник. Этот вариант уместно обозначить как *«позиционный преемник»*.

«Окончательное решение». Здесь круг вариантов также весьма ограничен. «Самым чистым» можно назвать случай, когда «первичное решение», собственно, и является окончательным. Иными словами, никто не осмеливается поставить под сомнение решение, принятое уходящим лидером.

Судя по всему, шансы на этот вариант возрастают, если он жив, в случае смерти появление оппозиции решению лидера более вероятно, и здесь мы имеем второй вариант. Сомнения в отношении кандидатуры преемника в рамках правящей группы ведут к тому, что элитные группы приобретают качество субъектности. Для будущего лидера (преемника) в этих условиях становится важна поддержка не только своего предшественника, но и правящей группы. Разумеется, накал борьбы внутри правящей группы по поводу кандидатуры преемника может быть очень разным. В одних случаях небольшую группу несогласных изолируют и устраняют либо, наоборот, договариваются с ними на каких-то условиях, в других происходит раскол правящей элиты. Как бы ни развивались события, для исследуемого класса смены лидера характерно то, что в конечном итоге намеченный прежним лидером преемник должен победить, иначе случай выйдет за рамки данного сценария. Степень включенности элиты в принятие «окончательного решения» — важный момент для эмпирического исследования, но для классификации решающим является сам факт субъектности элиты, а все остальное — вариации «внутри» этой разновидности.

Накал борьбы в правящей группе может быть столь интенсивным, что выходит за рамки внутриэлитных отношений. Известны случаи, когда внутриэлитные разногласия по вопросу о преемнике приводили к гражданской войне. Это значит, что «на арену» выходят широкие массы населения, и тогда мы имеем еще один вариант «окончательного решения», когда субъектом являются не только элиты, но и народ. Очевидно, он связан не только с гражданской войной. Народ (а также оппозиционная элита) становятся значимым субъектом «окончательно-

го решения» и тогда, когда, например, преемник занимает должность в результате конкурентных выборов. Оговоримся еще раз, в современных условиях господства демократической легитимности народ всегда является адресатом или объектом обращения о персоне нового лидера, и в этом смысле он явно или неявно «участвует» в смене лидера. Но в данном случае мы говорим именно о его субъектности, а она проявляется далеко не всегда.